Сакура Яманака родилась в день цветения сакуры. Она немного опоздала — мать ожидала ее почти две недели назад, — но она была здорова и имела хороший вес, хотя и немного крупнее, чем предпочла бы ее мать.

Она была одиннадцатым ребенком в семье, но не знала об этом еще несколько месяцев.

Первые недели Сакуры прошли в тумане ощущений. Она не совсем осознавала течение времени и по большей части еще не была в сознании. Однако по мере того, как недели превращались в месяцы, ситуация начала меняться.

На самом деле не было мгновения внезапного ощущения бытия . Вместо этого сознание Сакуры развивалось в течение часов, дней, недель; ее способность запоминать прошлые ощущения постепенно улучшалась, как и способность воспринимать новые, особенно визуально. Ее чувства к окружающему ее миру стали сильнее, и она внезапно обнаружила, что испытывает глубокую привязанность к женщине, которая могла быть только ее матерью, а также к различным другим опекунам, которые появлялись и уходили из ее жизни. Постепенно она начала понимать, что каждый из них говорит — издает звуки в определенном порядке, чтобы передать сообщения, — но ей еще предстоит понять код.

Самое главное, она поняла, что что-то было очень и очень не так.

Потому что в ее голове были не только мысли Сакуры, и дело не только в том, что в ее возрасте Сакура вообще не должна была думать. Проблема была в мыслях Ардена.

Это не значит, что они были намного яснее, чем у Сакуры. На самом деле, поначалу было невозможно заметить разницу между ними. И только со временем стало ясно, что некоторые из ее воспоминаний, некоторые ее знания и некоторые ее знания не могли прийти из этого мира.

Все это, конечно, отошло на второй план в реальной жизни. На самом деле не имело значения, что она (или Арден) знала, как растут растения, когда ей, несмотря на все усилия, не удалось сдержать мочевой пузырь, и поэтому она чувствовала себя очень, очень некомфортно.

Еще спать. Спать было действительно приятно, и (по крайней мере, по словам Ардена) в этом теле это было на удивление легко.

Однако чем старше становилась Сакура, тем больше «Арден» начинал исчезать. Она уже была, в лучшем случае, наполовину сформированной, когда Сакура впервые подумала о ней как об отдельной сущности, в которой отсутствовали огромные куски ее жизни, и то немногое, что осталось, собиралось воедино, насколько это было возможно, но даже это начало исчезать, еще больше и многое другое из того, что знала Арден, но Сакура не исчезала каждый день.

Это никому особенно не понравилось.

В конце концов именно Арден решил, что делать дальше. Сакура все еще то появлялась, то исчезала, и даже учитывая развитые способности, которые она имела благодаря общему мозгу, этого было недостаточно, чтобы составить план, не говоря уже о том, чтобы привести его в действие. К счастью, Арден была еще вполне способна на это, и именно это она и сделала.

Начиная с того времени, когда Сакуре было около двух месяцев, примерно в то же время, когда она почти уверена, что каа-сан означает мать и что, учитывая, что другие, более мелкие люди вокруг нее использовали то же имя для обозначения ее основного опекуна, у нее были братья и сестры. кроме того, Арден резко оттянул ее от мира.

Сразу же ее чувства притупились, а способность контролировать свое физическое тело практически исчезла.

Ардену нужна была вычислительная мощность, нужна была вся вычислительная мощность Сакуры, чтобы гарантировать, что младенец сохранит хотя бы часть информации, которую Арден швыряла в него быстрым огнем, останавливаясь только для того, чтобы позволить Сакуре заснуть, когда ее становилось слишком много. Ее тело каким-то образом осталось живым, несмотря на то, что она не предпринимала активных усилий, чтобы его использовать. Ее разум, с другой стороны, раздулся.

Арден начала с истории, или, по крайней мере, с чего-то, что ее воспоминания интерпретировали как таковую. Это была история о мальчике по имени Наруто, и история разбивалась на фрагменты, беспорядочно перескакивая с одной точки на другую, почти ничего между ними не было. Сакура узнала некоторые аспекты этой истории — одна короткая сцена, которую Арден не могла полностью вспомнить, включала энергию (очевидно, чакру), которую один из ее братьев использовал на нее после того, как она ударилась запястьем о край прикроватной тумбочки своей матери. . «Синоби», бегающие вверх и вниз по стенам, тоже были распространенной темой, и она была совершенно уверена, что видела, как по крайней мере двое ее братьев и сестер делали именно это, прежде чем ее оторвали от реальности.

В конце концов, однако, история все еще была очень незавершенной и быстро закончилась. Однако Арден не давала Сакуре много времени, чтобы отдохнуть или принять то, что уже было дано, вместо этого впихивая ей в голову знание целого языка — английского — как для того, чтобы лучше понять сцены, которые она видела и увидит, так и потому, что Арден казалась иметь глубокое и неизменное уважение к языку, которое она отчаянно пыталась передать сознанию, с которым у нее был общий мозг.

После этого шла математика, биология, химия, психология, физика и еще больше историй — некоторые исторические, другие полностью вымышленные, некоторые параболические, третьи просто призваны углубить ее понимание всего возможного. Все это перемежалось музыкой, скульптурами и картинами, которые танцевали то в фокусе, то вне фокуса, словно дразня Сакуру, чтобы она подошла ближе, чтобы понять больше.

Наконец Арден дошла до того, что знала об анатомии и физиологии. К тому времени Арден уже почти ушел; она потратила столько времени, сколько могла, давая Сакуре информацию и скудные следы своих воспоминаний – о временах, когда она чувствовала, что добилась успеха, и о временах, когда она знала, что потерпела неудачу – но ей еще не пришлось дать малышке время, чтобы понять что-либо из это, и теперь больше нечего было дать.

Хотя ее анатомическая информация вначале перемежалась с воспоминаниями о ее изучении и чувствами, связанными с различными частями (разочарование во время главы, которую ей было особенно трудно запомнить; скука во время другой, которую она уже выучила в двух предыдущих ситуации) постепенно стали исчезать. Что касается систем органов, поскольку она начала с атома, а затем выросла в размерах, эмоций не было. Едва Сакура смогла начать интегрировать медицинские знания Ардена, которые должны были быть показаны дальше, когда ее внезапно и сильно вернули в сознание, и она сразу поняла, что Арден ушел.

Она плакала.

Шаги устремились к ней, и, позволив им сделать то немногое, что они могли, чтобы утешить ее, она погрузилась в совершенно новую обстановку, полную белых стен вместо сиреневых и маленькой раковины вместо кровати матери. В комнате были и другие младенцы, подумала

Сакура, и взрослые люди толпились вокруг других кроватей, но за ее слезами ничего не было видно, и поэтому она просто плакала, хватаясь за рубашку мужчины, который ее держал.

Она не знала, сколько времени ей понадобилось, чтобы заснуть, но он никогда не укладывал ее, никогда не переставал ворковать и говорить с ней на языке, которого она до сих пор не понимала.

Когда она в следующий раз проснулась, она снова была в тазике, но знакомый голос пел рядом с ней колыбельную. На мгновение она заставила себя подавить свою скорбь по Ардену и вместо этого повернулась на голос – к своей матери – и протянула руку, сжимая руки, гораздо большие, чем она помнила. Женщина бросилась вперед и тут же подхватила ее, воркуя и разговаривая так же, как и мужчина. Она что-то крикнула позади себя, и вошел еще один мужчина, отличный от первого, за ним последовали два лица, которые она смутно помнила как своих сестру и брата.

Они все кружились вокруг нее, задыхаясь, разговаривая и прикасаясь, и мужчина начал тихо плакать, сдерживая звук так, как она никогда не могла. Женщина, мать, передала ее этому неизвестному мужчине, и ей это не понравилось не понравилось не понравилось но он держал ее так же, как мать, и прижал ее ухо к своему сердцу, и звук был приятный и в любом случае, разве она не проснулась достаточно долго?

.

Ей понадобилась как минимум еще неделя, чтобы осознать происходящее, чередующееся между обильным сном и слишком большим количеством незнакомых лиц, смотрящих, трогающих и говорящих.

Главный вывод ее сознания был таков: она была в больнице. Судя по всему, по крайней мере, насколько она могла предположить, из-за ее внезапного и необъяснимого отсутствия реакции ни на что ее привезли сюда, и в течение, как она предполагала, более месяца (исходя исключительно из температуры и воспоминаний Арден) о ее собственных временах года, что, по общему признанию, было не лучшим источником) за ней держали под постоянным наблюдением, и комната, в которой она жила, по-видимому, была предназначена именно для этой цели.

Конечно, она была не так плоха, как некоторые другие — около двух третей младенцев в комнате были подключены к какой-то системе мониторинга, и почти все они были моложе ее — но это ее особо не останавливало. мать от такого поведения, с таким облегчением каждый раз, когда она открывала глаза, или пыталась схватить палец, или вообще что-нибудь делала.

Все, что у нее было, это нерегулярные головные боли.

Честно говоря, было очень приятно быть в центре внимания, особенно потому, что всякий раз, когда это было не так, ее охватывал внезапный страх, что это никогда больше не повторится.

Это ощущение проходило всякий раз, когда ее мать снова появлялась в ее поле зрения, но это все равно было неприятным ощущением.

Что касается других новостей, она была почти уверена, что она Яманака. Ее мать была блондинкой с такими же странными глазами, как и у Ино из воспоминаний Ардена, и все лица, называвшие ее Каа-сан, за исключением взрослого мужчины, который теперь появлялся почти ежедневно, выглядели одинаково. Мужчина (на самом деле, вполне возможно, ее отец — ей показалось, что она однажды видела, как он и Каа-сан целовались) был брюнетом, но у него

тоже были глаза.

Так вот это было.

Однако в основном Сакура проводила очень мало времени, пытаясь экстраполировать информацию Арден, особенно потому, что это, похоже, вызывало головные боли, которых она так хотела избежать. Большую часть времени она тратила на то, чтобы взаимодействовать с окружающим миром – столько времени она провела в своих мыслях, что ей захотелось перемен, и поэтому она извивалась, лягалась, хваталась и лепетала, заставляя поток знаний отступать назад. ее разум, который будет игнорироваться намного, намного позже.

По мере того, как она постепенно привыкала к лицам, отличным от лица Каа-сан, она начала по-настоящему ценить то, что по крайней мере один из ее братьев и сестер или ее отец (тоу-сан?) каждый день тратил немного времени, играя с ней и приводя ее в порядок. новые игрушки (небольшая коробка, в которой они хранились рядом с ее больничной колыбелькой, теперь была заполнена до отказа, и люди часто хватали несколько игрушек - никогда те, которые они принесли - и клали их в корзины других детей) так что в ней нашлось место для их собственного подарка.) (Кажется, они также стреляли друг в друга, когда их поймали на этой практике, что Сакура нашла забавным.)

Кроме того, она недавно научилась переворачиваться, что было здорово, хотя и утомительно. Следующей она работала над тем, чтобы сесть, не столько потому, что это была следующая веха, согласно воспоминаниям Арден, сколько потому, что она хотела дойти до игрушек самостоятельно и решила, что это будет лучший путь вперед.

Она также вроде как начала понимать некоторые слова — «манма», как она думала, означала «еда», и она стала пытаться кричать это слово, когда голодна. Дела шли не очень хорошо, но, по крайней мере, ее смотрители, похоже, поняли, что она пыталась сказать. Она также вычислила имена некоторых своих братьев и сестер — она была почти уверена, что у нее есть брат-генин по имени Рен и еще один, немного младший брат по имени Аой.

К концу месяца ее выписали из больницы и вернули домой, но не в постель матери. Вместо этого она обнаружила, что делит кроватку с девочкой примерно на год старше ее, с двумя короткими кроватями, занимающими большую часть остальной комнаты, каждая из которых держит по ребенку: девочку, которую она поместила примерно в четыре года, и другую, которая держала ребенка. вверх семь пальцев, когда здоровается с Сакурой.

Следующий серьезный сдвиг в жизни Сакуры произошел не раньше, чем через три месяца. За эти месяцы ей удалось научиться сидеть и ползать, и она взялась за дело с таким упорством, что ее матери пришлось ввести правило в отношении острых предметов после того, как Сакуру нашли на полу над ее комнатой, пытающуюся схватить кунай со стола ее брата Рена. Возможно, она стала чем-то вроде клептоманки. А еще она научилась бросать предметы, и это было круто (ее брат Камуи действительно не ожидал, что его забросают виноградом, но ей это показалось забавным).

К тому времени ее речь улучшилась, и хотя ни один из звуков, которые она могла произнести, по-настоящему не представлял собой слова, в целом она могла различать, что говорят другие (при условии, что они говорили достаточно медленно и она знала, какие слова они использовали), поэтому она считала это прогрессом.

Ей также удалось выяснить всю свою семью. Каа-сан остался дома, хотя Сакура была почти уверена, что она шиноби, в то время как Тоу-сан часто был на миссиях и пропадал на

несколько месяцев (он ушел примерно через неделю после того, как ее забрали домой, и Она еще не вернулась.) Ее старший брат, четырнадцатилетний Рен, был генином, как и ее двенадцатилетняя сестра Саюри. Следующей по старшинству была Аой, которой было одиннадцать лет, и она не особо интересовалась ни ею, ни детьми, ни тренировками, ни чем-то еще — Каа-сан сказала, что это был этап.

Затем появились «фальшивые близнецы», ее братья Каэде и Камуи, девять и восемь лет соответственно, но физически идентичные почти во всем остальном. За ними следовали настоящие близнецы, сестра Сакуры Акина и брат Арато, которые были настолько разными, насколько это возможно (Акина была гораздо более мужественной, а Арато предпочитал типично женские дисциплины). Сакура делила свою комнату с Акиной, а также со своей сестрой Аяме. , которому было пять лет, и Кохане, которому был год. Между ними по возрасту был мальчик Фудзио, который делил свою комнату с фальшивыми близнецами и Арато. Рен и Аой жили в одной комнате, а у Саюри была самая маленькая, как и у нее, но Рен вскоре переезжал — он хотел жить один сразу после повышения в чунин, поэтому Каа-сан помогала ему подготовиться.

Итак, первые семь месяцев жизни Сакуры (за исключением того момента, когда она провела без сознания) прошли довольно гладко в глазах младенца. Этому положили конец экзамены на Чуунина.

Рен, как уже догадалась Сакура, собирался в них участвовать, и то, что они происходили в Конохе, означало, что вся семья направлялась на поддержку, а это означало, что ее мать тащила десять детей в возрасте от двенадцати лет до семь месяцев сквозь толпы зевак. К счастью, ей помогли остальные члены клана. К сожалению, большинство из них делали то же самое.

Однако в конце концов они добрались до стадиона. Он не был похож на стадион Конохи, о котором Сакура время от времени мелькала в воспоминаниях Арден — во-первых, он был меньше, и большинство зрителей, похоже, были уроженцами Конохи. Конкуренты в целом тоже казались немного моложе — ее брат, двое генинов, рядом с которыми он стоял, и около пяти других участников выглядели примерно того же возраста, но все остальные были явно моложе.

Проблема заключалась в более молодых соперниках. Пытаясь игнорировать шум, суету и крики вокруг себя, Сакура всматривалась в арену, чтобы разглядеть лица, которые ей, возможно, придется наблюдать, атакующие Рена в ближайшие несколько минут. Большинство из них были неузнаваемы. Трое не были.

Там, примерно в четырех или пяти метрах от Рена, стояли Орочимару, Джирайя и Цунаде.

Сакура пискнула.

— Тише, Сакура-чан, — пробормотала ее мать. «Это всего лишь небольшой шум. Тебе это не повредит».

Ну, на самом деле, подумала Сакура, Орочимару совершенно бесспорно доказал, что это не так. То, что это произошло в том, что теперь явно было будущим, ее не беспокоило.

(Больше всего беспокоило то, что она пыталась заблокировать воспоминания Арден, но некоторые из них, очевидно, просочились. Тем не менее, это было не так уж и плохо, если только это не нарушило ее повседневную жизнь. Она вытеснила другие свои заботы – опасения смерти , ужаса и несправедливости – за пределы умственного барьера. Она не была к ним готова.)

Сейчас говорил Хокаге — его лицо было таким же, как у Хокаге из воспоминаний Ардена. Он говорил о мире, силе и других словах, которые оставались бессмысленными. У Сакуры заболела голова. Она не хотела думать ни о детях, которые меняли жизнь под ней, ни об опасности, в которой находился ее брат, ни о словах, которые она не могла понять, ни о шуме, который окружал их всех. Она начала скулить и извиваться, но мать снова шикнула на нее, пробежав через нескольких одноручных тюленей. Мир погрузился в блаженную тишину, и Сакура закрыла глаза.

Казалось, всего несколько мгновений спустя она проснулась от толчков брата и сестры. Она протерла глаза и всмотрелась в сторону поля битвы, пытаясь выяснить, что их волновало. Следы ожогов, мокрые пятна и общее ветхое состояние поля были достаточным доказательством того, что она уже проспала по крайней мере одно сражение, поэтому она задавалась вопросом, почему это их так взволновало.

О верно.

Ее брат.

Рен стоял, заплетя волосы назад в традиционный светлый хвост. Он носил пурпурный цвет, цвет их клана, и держал в каждой руке кунаи. Девушка напротив него явно была Акимичи — его товарищем по команде, если Сакура правильно помнит; она была почти уверена, что встретила их обоих около месяца назад, на дне рождения Акины и Арато.

Если воспоминания Ардена верны, это был не лучший матч. В конце концов, Акимичи были известны как бойцы на передовой — своего рода специальность, которая слишком хорошо работала на такого рода экзаменах. Яманака, с другой стороны, пользовался большой поддержкой. Не совсем идеально в этом сценарии.

Рядом с ней кричали ее братья и сестры, но она их не слышала. Напротив нее, на коленях у Саюри, смущенная Кохана отчаянно пыталась отделаться от энергичной девушки. Каа-сан, по крайней мере, не вибрировала от радости, но наклонилась достаточно далеко вперед, что Сакура была вынуждена наклониться вместе с ней.

Она зажмурилась, но почувствовала укол. Вскрикнув, она обернулась и увидела, что Аой смотрит прямо на нее. Он указал на поле битвы, а затем вернулся к наблюдению за собой.

Была ли… она должна была смотреть?

Она оглядела лица своих братьев и сестер. Все и каждый, начиная с Фудзио, были поглощены битвой, и голова Коханы тоже была обращена к битве, хотя и неохотно.

Она должна была наблюдать. Она задавалась вопросом, почему.

Итак, она наблюдала.

Как она и ожидала, битва вскоре пошла в пользу Акимичи. Она еще не раздулась — возможно, только будущий Акимичи мог это сделать? — но она все равно была грозным противником, атакующим, сражающимся и делающим все возможное, чтобы перевести битву в ближний бой.

Рен же делал все возможное, чтобы держаться от нее подальше. Он бросал кунаи со скоростью мили в минуту, бегая по полю от одной стороны к другой так быстро, как позволял его, по общему признанию, невысокий рост. Время от времени, в особенно отчаянной ситуации, он даже использовал небольшое дзюцу, чтобы заставить землю вырваться из-под него, давая ему

дополнительный импульс.

Но Акимичи это не остановило.

До сих пор ей удалось ударить его только дважды, но каждый из них оказал свое воздействие — похоже, он не был способен очень быстро двигать левой рукой, и (по словам все более паникующего Каа-сана, который грубо удалила технику молчания, чтобы она могла слышать бой), его дыхание выглядело не очень хорошо.

То есть до тех пор, пока все поле битвы не рухнуло. Яма глубиной в несколько метров поразительно быстро росла из центра поля, быстро охватывая все, кроме метра с каждой стороны. Рен явно этого ждал. Акимичи этого не сделали. Она упала вместе с землей, жестко приземлившись на дно, и Рен не стал терять времени, сразу же начав длинную серию жестов руками, прежде чем указать прямо на Акимичи. Поток электричества пронесся по воздуху прямо на его противника, и через несколько секунд после того, как он сдался, а Акимичи все еще не сдвинулся с места, матч был признан в его пользу.

Фудзио, находившаяся по другую сторону от Аой, начала плакать, как и многие другие ее братья и сестры.

Каа-сан что-то говорила, но Сакура не могла разобрать слов, слишком озадаченная ревом толпы и кричащими братьями и сестрами. Однако когда ее мать указала на поле, она заставила себя снова посмотреть вниз.

Посреди поля, в окружении пары чунинов, которые чинили самое худшее, двое медиков медленно поднимали Акимичи на ноги, и хотя ей пришлось тяжело опираться на обоих, она смогла выбраться из этого положения. арена на своих ногах.

Фудзио не выглядел таким уж утешенным. Сакура была склонна согласиться. Она уткнулась лицом в живот Каа-сан. Ей не хотелось видеть драки детей, а ни один из следующих двух участников не мог быть старше восьми лет, поэтому она закрыла глаза, пока снова не пришла очередь ее брата.

Рен проиграл свою следующую битву Джирайе и, как и Акимичи, был быстро унесен со слишком большим количеством травм, чтобы чувствовать себя хорошо. Семья, к разочарованию Сакуры, оставалась до конца, когда жестокая битва между шести- или семилетним Джирайей и Орочимару (ещё один, который видел, как у неё отобрали молчание) нашла последнего победителем. Вскоре после этого Сакура уснула навсегда и проснулась только на следующий день от того, что Рен толкнул ее и сунул ей в лицо зеленую ткань — жилет чуунина — прежде чем сделать то же самое с Коханой. Она догадалась, что тогда его повысили.

Однако, если не считать волнений, связанных с экзаменами, и тяжелой работы, которую ей пришлось проделать, чтобы избавиться от связанных с Арден воспоминаний, остаток года до ее дня рождения прошел относительно спокойно. Рен, конечно, уехал, и мать снова оказалась беременной. Аой теперь делил комнату с фальшивыми близнецами, а Арато теперь жил только с Фудзио. Саюри также пришлось поделиться с Акиной, которая жаловалась на то, что застряла в детской комнате, даже больше, чем Арато. Сама Сакура росла как на дрожжах — теперь она могла залезть на любое из самых коротких сидений в доме и даже ходить, если старалась держать под рукой опору. Ей также удалось научиться есть и еду руками, и еду ложкой, чем она очень гордилась. Она начала называть Каа-сан «мама», как это делала Кохана. потому что его было гораздо легче произносить, и она обычно могла выговорить

первый слог чужого имени. Она также могла попросить еды, объятий и помощи в чем-то. Она также могла сказать «нет», и эту силу она широко использовала.

Кохана тоже существенно улучшилась — хотя ее понятный словарный запас был примерно таким же, как у Сакуры, она могла говорить больше, чем Сакура могла в настоящее время надеяться, даже если ни одно из этих слов еще нельзя было считать предложениями. Самое главное, все эти улучшения означали, что у нее появилась собственная кровать, что удвоило пространство, которое Сакура могла занять, и означало, что ей больше не придется сталкиваться с неровными локтями во сне - Сакура была совершенно уверена, что ее больше волновала кровать Коханы. чем Кохана.

Кроме того, дни рождения Аяме, Камуи и Рена (и Саюри, и Каэде состоялись ровно через неделю после ее собственного) предоставили прекрасную возможность познакомиться с новыми Яманакой, Акимичи и Нарой, что слишком ясно показало, что Арден была права насчет в каком мире она родилась, даже если ни одно лицо (за исключением, конечно, тех, что слишком мимолетно видели на экзаменах на чуунина) не соответствовало воспоминаниям.

Падение цветущей вишни ознаменовало прошедший год, и Сакура охотно вдыхала их запах, ее разум был настолько неразвит, что она не могла по-настоящему понять влияние того, что знала.

По крайней мере, пока.

http://tl.rulate.ru/book/96215/3288484